

К МЕТОДИКЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛЕКСИКИ ПАМЯТНИКОВ ПИСЬМЕННОСТИ¹

М. ЗАКАРЬЯН

В литературе часто отмечают слабую изученность лексики, особенно лексики исторической. И действительно, исследование лексики письменных памятников (русской, украинской, белорусской) все еще отстает от исследований других областей языка. Особенно „отстающим“ является изучение лексики деловой письменности.

Но в последние годы появилось довольно много работ, в которых исследуется лексика отдельных памятников или групп памятников письменности (в том числе и деловой), относящихся к различным периодам истории русского, украинского и белорусского языков. Исследованию лексики отдельных памятников письменности посвящено большое количество диссертаций.

И все же мнение о недостаточной изученности лексической стороны языка не лишено основания. И здесь надо говорить не о „количественной“ стороне дела, а о „качественной“: дело, скорее всего, не в том, что работ, посвященных изучению лексики того или иного периода истории языка, мало, а в том, что методы изучения этой лексики отстают от методов изучения других сторон языка. Сюда, в область изучения лексики отдельных этапов языка (язык произведений отдельного жанра или даже отдельного крупного памятника письменности той или иной эпохи) с трудом проникают некоторые новые методы и взгляды, которые в других областях языкознания получили уже довольно широкое распространение².

В работах, посвященных специально изучению лексики отдельного памятника или группы памятников, рассматривается, как правило, не лексическая система языка какого-то времени, как она отразилась в данном памятнике (или памятниках), а отдельные слова, обычно объединенные или в

¹ Статья является введением в исследование лексики Литовского статута 1588 года (п р им. автора).

² Интересна попытка применения статистических методов в статье Л. В. Вялкиной, Г. Н. Лукиной, Опыт применения некоторых методов математической статистики к изучению лексики древнерусских текстов. — „Исследования по исторической лексикологии древнерусского языка“, Изд-во „Наука“, М., 1964, стр. 298—307.

предметные группы или в группы по происхождению, иногда — и по первому и по второму признакам. Слова эти изучаются с двух точек зрения — с точки зрения происхождения (общеславянская, старославянская, древнерусская, заимствованная и пр.) и с точки зрения значения, семантики. И в том и в другом случае исследуются отдельные слова, хотя последние и классифицируются указанным способом³.

Таким образом, работа, посвященная лексике какого-либо памятника, состоит из ряда очерков об отдельных словах. При таком методе трудно установить отношения между словами, особенности функционирования этих слов в тексте.

Думается, что в настоящее время возможен и иной подход к изучению лексики письменного памятника.

В последнее время в советской и зарубежной лингвистике все больше распространяется мнение, что лексика языка представляет собой систему, так же, хоть и не столь очевидно, как другие уровни языка — фонология и грамматика. И в нашей литературе есть уже довольно интересные опыты системного подхода к изучению лексики не только в плане общетеоретических рассуждений, но и в плане конкретных исследований⁴.

Однако понятие системности в лексике не адекватно, по-видимому, этому понятию в других областях языка (на других уровнях). Лексика — если и система, то предельно открытая. Кроме того, лексика, как никакая другая область языка, связана с внеязыковыми факторами, что затрудняет исследование ее как системы. Можно целиком присоединиться к мнению Н. И. Толстого: „Лексическая (и семантическая) „системы“, таким образом, по своему общему характеру не изоморфны фонологической и грамматической системам. Подобного изоморфизма, очень важного с практической точки зрения (прежде всего, для картографирования), можно добиться при отграничении, иногда несколько искусственном, отдельных микросистем. По отношению ко всей лексической и семантической системе языка изучение таких микросистем может показаться почти столь же атомарным, как и рассмотрение отдельного звука, однако оно приобретает целый ряд серьезных преимуществ перед еще более атомарным изучением отдельного слова“⁵.

³ Несмотря на то, что еще М. М. Покровский требовал изучения слов в их взаимной связи, указывая на то, что слова группируются по их значению и что у слов данной группы семасиологические изменения сходны и, что очень важно, взаимосвязаны. (См. М. М. Покровский, Семасиологические исследования в области древних языков, М., 1895 и др.)

⁴ См., например, А. А. Уфимцева, Опыт изучения лексики как системы, АН СССР, 1962. А. А. Уфимцева, К вопросу о лексико-семантической системе языка, ВЯ, 1962, № 4.

⁵ Н. И. Толстой, Можно ли представить структурную типологию лексики славянских языков в лингво-географическом плане? „Межвузовская конференция по исторической лексикологии, лексикографии и языку писателя“. Тезисы докладов, под ред. проф. Б. А. Ларина, Л., 1961, стр. 5. Аналогичная мысль высказывается и в более поздней работе Н. И. Толстого: „... на первых этапах исследования надо предложить предварительную препарацию — членение семантической системы на ряд микросистем или микрополей“. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава, ВЯ, 1963, № 1, стр. 30.

Преимущество исследования лексики по лексико-семантическим группам⁶ (микрополям, по терминологии Н. И. Толстого) прежде всего в том, что оно дает возможность исследовать слово не только как самостоятельную единицу языка, но позволяет также изучить и систему отношений между словами (и их значениями) в языке. Думается, что такое исследование будет эффективным и при изучении лексического состава отдельного памятника.

При исследовании лексики отдельных памятников можно исходить из следующих предпосылок:

1. Лексика языка в каждый данный момент представляет собой систему взаимосвязанных единиц — слов. Связь и взаимообусловленность лексических единиц, вероятно, слабее, нежели в других областях языка — фонологии, грамматике, — но достаточно ощутима и может быть исследована.

2. Памятник, при достаточно большом объеме, отражает в какой-то мере (в какой это вообще может сделать текст) лексическую систему языка определенного времени, вернее, какой-то „кусок“ этой системы, причем, „кусок“ произвольно вырванный. Но и в этом куске будут действовать основные закономерности лексической системы в целом. И чем больше по объему текст, тем лучше он будет отражать эту систему.

Всякую языковую систему можно рассматривать с двух разных точек зрения: с точки зрения ее современного состояния и с точки зрения ее истории, становления. В первом случае мы говорим о синхронном изучении языковой системы, во втором — о диахроническом. Эти два метода следует применить, по нашему мнению, и при изучении лексики памятника как проявления, отражения лексической системы языка определенного времени.

В первом случае — при синхронном изучении, — лексика памятника будет отражать как бы один момент в истории развития лексической системы языка (точнее, как уже говорилось, кусок этой системы). Поэтому исследователь должен найти закономерности этой системы, как они отразились в памятнике. А это, в первую очередь, значит не только выявить лексический запас памятника, но, что особенно важно, и определить, по возможности полно, связи и отношения между этими словами как единицами лексической системы во всем их многообразии и сложности.

Поэтому при синхронном изучении в лексике памятника следует выделять семантические группы слов (подсистемы лексической системы, как она отражена в памятнике), а в последних — микрогруппы (микросистемы). И задача исследователя в этом случае сводится к изучению отношений между словами одной микрогруппы и отношений между различными семантическими группами — как эти группы функционируют в данном тексте. Отношения в лексической системе (между подсистемами), внутри подсистем

⁶ О лексико-семантических группах см.: А. А. Уфимцева, указ. соч., стр. 131 и след. В. И. Колухов, Лексико-семантические группы слов, Л., 1955. Ф. П. Филин, О лексико-семантических группах слов. — Езиковедски изследованиа в чест на акад. Стефан Младенов, София, 1957.

(между микросистемами), внутри микросистем (между словами) — это то, что должно быть главным объектом изучения лексики памятника⁷.

Каковы же те типы отношений, которые должны при этом изучаться? В настоящее время применительно к лексике древних письменных памятников языка следует говорить, возможно, лишь о семантических отношениях: полисемии и моносемии, синонимии, омонимии, антонимии, отношения объема и содержания выраженных в слове понятий.

При диахроническом изучении лексики памятника встанут две основные задачи:

1. Проследить историю лексико-семантических изменений более раннего периода, приведших к образованию той лексической системы, которую отражает памятник.

При решении данного вопроса также необходим системный подход к лексике: лексическая система, ее подсистемы и микросистемы „отражаются“ на лексику других, более ранних памятников, однотипных (принадлежащих к тому же жанру) с изучаемым. При этом следует исходить из того, что причины изменений в лексической системе языка, значит, и отдельного слова, могут быть внеязыковыми — историческими, — и языковыми. В последнем случае решающими являются отношения слов различного происхождения внутри лексической системы языка в различные периоды его истории. И задача исследователя — изучить и внеязыковые и языковые (системные) факторы изменения лексики, учитывая, что изменения по внеязыковым причинам вызывают изменения и внутри лексической системы.

2. Определить место слов различного происхождения (общеславянских, восточнославянских, заимствованных и пр.) в лексической системе памятника. И здесь недостаточно, думается, определения происхождения слов, но необходимо изучить взаимную семантическую и функциональную зависимость слов различного происхождения внутри лексической системы данного памятника.

Так как изучить таким образом всю систему в целом, вероятно, невозможно, то и здесь следует выделить подсистемы и микросистемы, внутри которых в первую очередь и решать данный вопрос — о месте слов различного происхождения — прежде всего в данной микросистеме, взаимосвязь этих слов внутри микросистемы, отношения и связи между словами разных микрогрупп (т. к. одно слово может входить одновременно в несколько микрогрупп, связывая, таким образом, их друг с другом).

Для иллюстрации высказанных выше соображений можно взять одну из лексико-семантических групп (подсистем лексической системы) языка Литовского статута 1588 года — названия зерновых культур. В пределах данного памятника эта группа не распадается на микрогруппы, т. к. в ней нет слов, синонимичных друг другу хотя бы в одном из своих значений.

⁷ При этом следует еще раз подчеркнуть, что памятник, даже при большом объеме, как впрочем, и всякий текст, не может отразить всей лексической системы языка данного времени. Поэтому вся картина, даже при тщательном изучении, будет не полной.

Таким образом, при рассмотрении ее в синхронном плане нашей задачей является определение взаимоотношений отдельных слов внутри этой группы. В данной статье не будет рассматриваться отношение данной группы (подсистемы) к другим лексико-семантическим группам, что необходимо было бы сделать при исчерпывающем анализе лексики памятника.

При изучении же ее в диахроническом разрезе мы должны рассмотреть данную группу лексики в статуте 1588 г. (так называемом Третьем статуте) сравнительно с другими, более ранними письменными памятниками таким образом, чтобы можно было отметить изменения не в отдельных словах, а во всей лексико-семантической группе.

Примечание. Так как берется только одна из лексико-семантических групп, пример не отражает всех высказанных положений. Это может сделать только полное исследование лексики Третьего статута по указанному методу. Количество памятников, взятых для сравнения, в этом случае должно быть значительно большим.

Названия [зерновых культур в III статуте располагаются следующим образом (см. схему на стр. 90).

Общим названием зерновых культур (на корню, в копнах, в зерне) является слово *збоже*. В это понятие входит *жито* — „рожь“ (очевидно, только озимая) и *ярины* — „яровые культуры“: *пшеница*, *ярица*, *ячень*, *оркиш*, *гречиха*, *просо*. Здесь нет слова *хлеб* как общего названия зерновых культур, слова *рожь*, которые мы встречаем в русских (древнерусских и более поздних) памятниках.

Что соотношение между объемами понятий указанных терминов именно таково, как показано на схеме, можно судить по следующему тексту статута:

В разделе XIII, в артикуле 9, под заголовком „Цена збожью, сену и речам огородным“ имеется такой перечень культур:

„жыта копа двадцать грошей
а бочка жыта двадцать чотыри грошы
пшеницы копа двадцать грошей
ярицы копа двадцать грошей
оркишу копа десять грошей
овса копа осмъ грошей
гречыхи копа осмъ грошей
проса копа осмъ грошей.

А за бочку тыхъ верхъ менованыхъ яринъ совитою ценою большъ, нижли за копу положоно, маеть быти плачоно“ 514.

Дальше перечислены: *горох*, *боб*, *чечевица*, *лен*, *конопель*, *сено* и „речи огородные“ — овощи.

В статуте слово *ярица* обозначает яровую рожь.

Доказательством того, что слово *ярица* в нашем памятнике обозначает именно яровую рожь, а не всякий яровой хлеб, может служить то, что и поле, засеянное ярицей, и копа ярицы расцениваются намного дешевле пшеницы: копа пшеницы — в 20 грошей, а ярицы — 12.

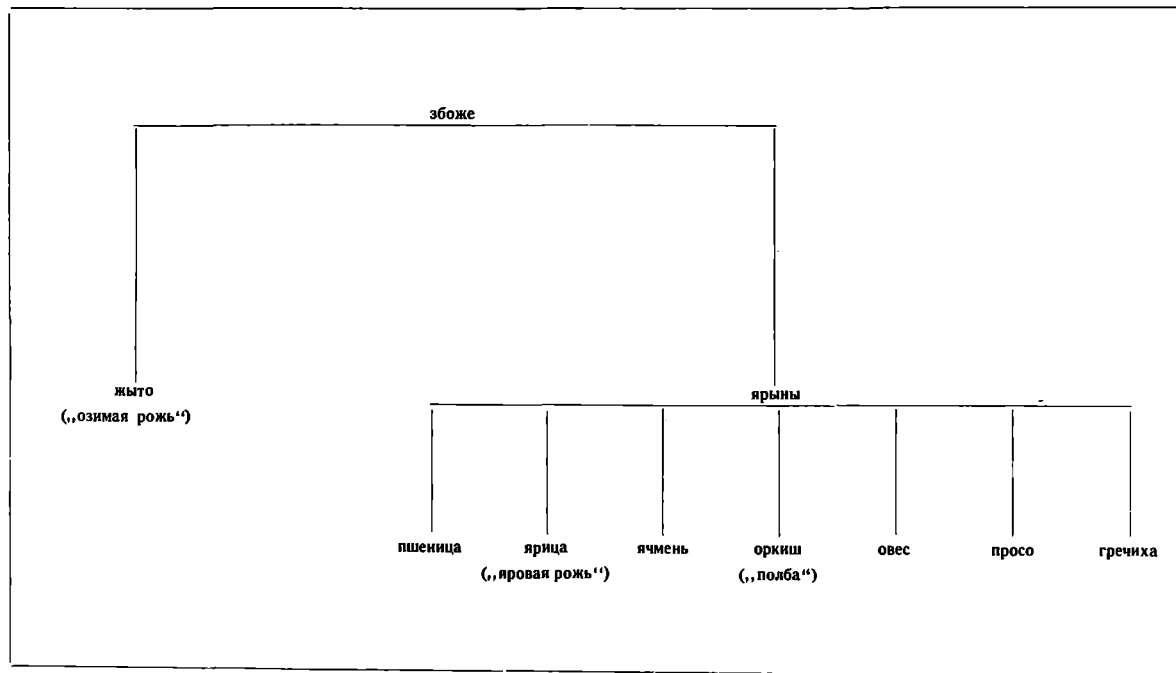

Схема соотношения названий зерновых культур в Литовском статуте 1588 года

Таким образом, забегая вперед, можно сказать, что значение слова *ярица* в статуте уже того значения, которое это слово имеет в памятниках древнерусских. Объясняется это той ролью, которую играла рожь в зерновом хозяйстве Великого Литовского Княжества. Поэтому именно за ней и осталось бывшее на севере и северо-западе общее для всех яровых название.

Так как для жита указана цена не только за копу („копну“), но и за бочку, т. е. за зерно, то замечание о цене бочки ярин относится, очевидно, не к житу, а к остальным культурам; они и названы яринами⁸. Среди названий яровых культур особенно обращают на себя внимание два: *ярица* и *оркиш*. Судя по тому, что *ярица* перечисляется наряду с другими частными названиями — *пшеницей*, *просом* и др., можно думать, что это слово обозначает не вообще яровые культуры, для которых имеется название *ярины*, а только одну яровую культуру. Судя по цене, это — „яровая рожь“. Таким образом, здесь слово *ярица* („яровая рожь“) противопоставлено слову *жито* („озимая рожь“).

Слово *оркиш* обозначает, очевидно, полбу.

Такое же соотношение между значениями названий указанных культур мы видим и в разделе IV, арт. 98 статута, где указывается способ оценки стоящего на корню хлеба (при вводе во владение):

„...тогда и въ засеянье на грунтехъ дворныхъ и яринами увезанье давано быти маеть то естъ съ каждого морьгу погнуо рахуючы жыта по пети копъ, а на морьгу яринами засеянными пшеницы по шести копъ, ечменю по шести жъ копъ, овса по чотыры копы, ярыцы по три копы, гречихи по пети копъ, гороху по шести копъ, проса по чотыры копы, сочывицы по чотыри копы; а иншые огородные речы засеяные водле уваженья возного и шляхты, знимъ на томъ увезанью будучое. А то маеть быти шацовано на пенези по тому, яко нижеи въ семь статуте шацунокъ збожую естъ описанъ.“ 260—261.

Несмотря на то, что слова *збожье*, *жито*, *ярины* много раз повторяются в статуте, отступление от указанного соотношения их значений встречается только один раз — в разделе IX, арт. 22 под названием „Хто на чиеи земли посееть збожье — якъ маеть заповедати вознымъ, абы не звозил до права.“ Статья предусматривает случай, когда кто-либо засеял спорное („пенное“) поле. Тогда на такой посев накладывается арест — запрещение снимать и свозить хлеб до судебного разбирательства. Этот засеянный хлеб в артикуле 12 раз назван *збожьем* и только один раз — *житом*:

„Если бы се тежъ то трафило же бы такое збоже пенъное на поли зложено... съ поля покрадено, ино, застанеть ли при кгрунъте тотъ, хто сеяль, тогда ему тое жито оныи, хто прожно заповедалъ, винен заплатити.....; зостанеть ли пакъ съ права при кгрунте тотъ хто заповедалъ, тогда онъ, хто сеял, маеть ему тое збожье заплатити...“ 371.

⁸ Не совсем ясно, почему бочка этих ярин оценивается вдвойне („совито“) против цены за копу, в то время как разница в цене между копой жита и бочкой жита — в 4 гроша. Может быть, следует читать 12 грошей за копу жита (тогда бочка „совито“ — 24). Кроме того, в 20 грошей оценена и копа пшеницы. Едва ли рожь и пшеница могли быть оценены одинаково. К тому же в статуте 1529 года пшеница оценена в 12 коп, жито — 10.

По контексту ясно, что в данном случае *жито* употреблено в том же значении, что и *збожье*, а не значении „рожь“ как в других статьях статута. Думается, что данный случай — ошибка, возникшая под влиянием аналогичной статьи статута 1529 г. Здесь, в разделе VIII артикул 13 называется: „Хто на чиеи земли посееть *збожье*, как маеть заповедати вижом, абы не звозил до права под закладом“. Но в самой статье засеянный хлеб называется не *збожьем*, а *житом*: „А естли бы тот, хто заповедал, правом перевел, што ж он тое жито будеть сеял на его властной земли, тогда маеть быти ему как земля, так и оное жито“⁹. 98. Это, возможно, и послужило причиной употребления слова *жито* в не свойственном для III статута значении в приведенной цитате.

Таким образом, язык III статута характеризуется не только наличием или отсутствием отдельных названий зерновых культур, но и определенным соотношением их значений.

II. Если мы попытаемся сравнить соотношение названий зерновых культур III статута 1588 г. с другими памятниками, то получим следующую картину:

В I статуте 1529 г. соотношения между названиями зерновых культур в общем те же, что и в третьем. К разделу XII, арт. 8 Минского издания I статута имеется следующее примечание: „В Слуцком списке далее следует артикул, отсутствующий в других списках:

10. Цена збожю уставлена. Теж уставляем цену збожю, хто бы побрал або зостал винен, яко маеть платити:

пшеницы копа — дванадцать грошей
жита копа — десять грошей
ячменю копа — шесть грошей
овса копа — чотыри гроши
гречихи копа — чотыри гроши
ярицы копа — осм грошей.“ 121—122.

Статья, как можно видеть, аналогична арт. 9, раздела XIII Третьего статута. Только список несколько короче — отсутствует слово *оркиш* и названия бобовых — *горох*, *боб*, *сочевица*.

Если к сказанному прибавить отрывок из раздела II, арт. 14 Первого статута:

„...нижли домов розбирати и плотов жечи, и ставов волочити ани спустати, ани жит и ярин топтати и травити не мають.“ 10/47., то картина как будто получается та же:

	збоже	
жито		ярины

⁹ Примеры из Статута 1529 г. цитируются по книге „Статут Великого Княжества Литовского 1529 года“ под ред. ак. Лит. ССР К. П. Яблонскиса, Из-во АН БССР, Минск, 1960.

¹⁰ В Минском издании дается следующий русский перевод этого текста: „... но нельзя разбирать дома и жечь заборы, ловить рыбу в прудах и спускать пруды, вытаптывать и травить озимые и яровые“, стр. 147.

Но такому пониманию противоречит, прежде всего, указанная выше статья I статута — раздел VIII, арт. 13, где, как уже указывалось, в заголовке употреблено слово *збоже*, а в тексте в том же значении находим только *жито*. Судя по содержанию данной статьи, оба эти слова — *збоже* и *жито* обозначают зерновые, без той дифференциации в значении данных слов, которые мы видим в III статуте. Можно думать, что и в следующем, 14 артикуле раздела VIII слово *жито* употреблено как общее название зерновых, а не ржи и не озимых:

14. „Хто бы земли в держаньи был три года, а другой бы, правом не переperши, жито пожал або жатое побрал, або бой вчинил и сохи порубал“ 98.

Отсюда напрашивается вывод: размежевание значений между словами *збоже* и *жито* в I статуте не доведено до конца, поэтому здесь слово *жито* употребляется двояко: как общее название зерновых и как название основной зерновой культуры Литовского княжества — ржи (озимой).

В Литовской метрике, в записях, относящихся к XV веку, соотношение между объемами понятий в названиях зерновых культур отличается не только от Третьего, но и от Первого статуту.

Прежде всего, здесь имеются слова, отсутствующие в статутах: *хлеб* и *рожь*, но отсутствует, как и в древнерусских памятниках, *збожье*. Что касается слова *хлеб*, то оно здесь, можно думать, употреблялось либо для обозначения продуктов питания вообще:

„И тежъ устави есмо, ижъ бы жиловъ продавали всякую речъ доброволнъ; имають куповати и хлѣба ся дотыкати, яко и хрестьянинъ...“ АЗР, № 9, стр. 25. „...А предъкове и мы хлѣба и соли и жалованья не боронивали имъ до часу, покуль дело свое отпрать...“ ЛМ 27, кн. 4 № 123, стр. 452.

Либо это слово употреблялось для обозначения печеного хлеба:

1. „...а с ынъшихъ жеребьевъ и деть по польтрети бочъки ржи а по три горсти льну а по полупольта мяса а по хлебу.“ ЛМ 27, кн. 4 № 140 стр. 468.

2. „А на толоку ходять и окольные села а хлебъ и медъ господарьский“ ЛМ 27, кн. 4, № 29/35, ст. 168.

Таким образом, для XV века едва ли было бы правомерно включать слово *хлеб* в группу слов — названий зерновых культур. Значение слова *рожь* не вызывает сомнений — оно то же, что и в русском языке — от древнерусского до современного¹¹.

Но наряду с *рожь* в записях Литовской метрики находим и *жито*. Каково было соотношение этих слов в XV веке? Среди многочисленных примеров употребления этих слов обращают на себя внимание следующие:

1. В ЛМ, 27, кн. 4, № 17 в заголовке написано: „Кухаремъ давано жито в Родомли“, а в тексте: „Врусу влановичу 8 бочок ржи, Тивуну Троцкому Михъну стирта ржи на челядь въ Стоклишках“ 294.

¹¹ В Многочисленных записях Литовской метрики находим: Бочка ржи — ЛМ 27 кн. 4 № 14, стр. 229, № 17, стр. 284, № 19, стр. 294, 297, № 24, стр. 304, 316, № 140, стр. 468 и др. стирта ржи — № 14, стр. 228, № 19, стр. 294 и др. дякло ржи — № 14, стр. 228, 229, 234, 236, № 19, стр. 294 и др.; колода ржи — № 19, стр. 294 и др.

2. В ЛМ 27, кн. 4. № 24: „Мацьку Костеровичу 10 копь грошей съ корчомъ городеньскихъ на наемъ школут: въ Ковне под жито“, и там же: „Кожушкомъ Лошаку а Бартошъцу по 5 бочок ржи у городничого Городеньского“. 304.

Из сопоставления этих примеров можно бы, кажется, заключить, что *жито* и *рожь* обозначают разные по объему понятия: *жито* — общее название зернового хлеба, *рожь* — только „рожь“. Не противоречит такому выводу как будто и следующие записи: ЛМ 27 кн. 4, № 29/35: „А мешчане вси на толоку хадяты жита жати и сено косити.“ 165. „А в томъ дворе шесть чоловіка... а пашня есть — жито.“ 169. ЛМ 27, кн. 4, № 140: „А къ тому и жита берутъ с пятьдесятъ бочок...“ 465. „одного жита въ него и въ сына его на тысячу бочокъ възялъ“. 471.

Но в тех же самых записях читаем: „А пашня есть: жита и пшеница и овесь“. ЛМ, 27, кн. 4, № 29 (35—39). „Костешове дворе шесть челяди а волов осмъ а жито сееного а ярь“. 168. В ЛМ 27, кн. 4, № 140: „... домъ весь розграбили и животину и жито и пшеницу въси статъки што было статъков...“ 470.

Здесь *жито* перечисляется наряду с *ярь* в одном случае и с *пшеница* и *овесь* — в других. Ясно, что такого расположения не могло бы быть, если бы *жито* действительно служило общим названием зерновых культур. Что же оно обозначает? Во-первых — озимую культуру (противопоставление с *ярь* — яровой культурой), а противопоставление *пшенице* и *овсу* говорит, думается, о том, что *жито* здесь — „рожь“, возможно, только озимая. И если считать, что *ярь* здесь обозначает „яровой хлеб“, то соотношение между словами, обозначающими зерновые культуры, в XV веке должно быть следующим:

1. Общего названия для зерновых как будто нет, т. к. слово *хлеб* этого значения не имеет, а *збожые* отсутствует.

2. Слова *рожь* и *жито* не имеют четкой дифференциации в значении; следует только выяснить, существовали ли какие-либо мотивы употребления того и другого слова.

3. Слову *жито* (и *рожь*) противопоставлены названия *яри* — яровых культур: *пшеница*, *овес* и др. Значение последних не отличается от их значения в древнерусском языке¹².

В Русской правде из названий зерновых культур находим: *хлеб*, *жито*, *рожь*, *овес*, *ячмень*, *полба*. Хотя в „Материалах к словарю русской правды“¹³ слово *хлеб* объяснено как „хлеб, зерно“, думается только в одном случае это слово обозначает зерновой хлеб. Это статья 145 Пространной редакции Русской правды: „А в дачѣ не холопъ, ни по хлѣбъ роботять, ни по при-

¹² Но в записях Литовской метрики XVI века соотношение названий зерновых культур отличается от приведенной системы и ближе к системе статутков: здесь есть слово *збожжэ*, но нет слова *рожь*. См. канд. дисс. В. П. Сташайтене, Лексика Литовской метрики (книг судных дел), Минск, 1965 г.

¹³ М. Н. Тихомиров, Пособие для изучения Русской правды, МГУ, 1953, стр. 172. В дальнейшем примеры из Русской правды даются по этому пособию.

дацьць“.¹⁴ 109. В остальных случаях это — „хлеб“ (печеный): „106 аже слышавъ кто или зная оже есть холопъ, а дасть ему хлѣба или укажетъ ему путь, то платити ему за холопъ 5 гривень ...“ 110

90. „А се уроци городнику... 7 хлѣбовъ, 7 уборковъ пшена, 7 луконь овса на 4 кони...“ 106

Общим названием зерновых в Русской правде скорее можно считать *жито*. Так, в статьях 39 и 46 Пространной редакции читаем:

39. „Аже крадеть гумно или жито в ямѣ, то колико их будетъ крало, то всѣмъ по 3 гривны и по 30 кун.“ 95

46. „Аже кто даетъ куны в рѣзъ, или наставъ в медь, или жито во просопъ“ 97

Но в одной из дополнительных статей Пространной редакции (по Карамзинскому списку)¹⁵ под названием „О немолоченом житѣ“ написано:

„Немолоченное жито метано на 2 копны 3-я, молоченое жито метано на 2 половника 3

А немолоченаго жита на 12 лѣтъ ржи половников 7000 копенъ и 600 копенъ и 10 копенъ.

А молоченаго жита и овса и ячмени полъчетверты тысячи половника и 70 половникъ и 4 половники, а всего того коунами 170000 гривень и 9000 гривень и 300 гривень и 90 гривень и 4 гривны и 30 рѣзанъ и рѣзана, опроче жита.“ 122

Обращает на себя внимание следующее: а) во втором абзаце слово *жито* заменено словом *ржи* без изменения значения; б) в третьем абзаце слово *жито* поставлено рядом с *овса* и *ячмени*, чего нельзя было бы сделать, если бы жито было общим названием зерновых. Из этого, может быть, следует заключить, что в данном случае *жито* — это „рожь“.

Но среди тех же дополнительных статей есть и статья „О ржи“:

„А в селѣ съяной ржи на два плуга 16 кадеи ржи, а того на одно лѣто прибытка на два плуга 100 копенъ ржи...“ (Дополнит. ст-и Простр. Р. Пр. по Карамзинскому списку) и другая статья — „О немолоченой ржи“:

„А ржи немолоченые 40 копенъ, а на тоу рожъ прибытка на одно лѣто 20 копен“ 122

Кроме того, в Русской правде находим: „О молоченом ячмени“ (Доп. Простр., Тих. стр. 123). „О молоченом овсѣ“ (Доп., стр. 123, Простр. 67, 91) „О полбе немолоченой“: „А полбы немолоченые 15 копен, а на то прибытка на одно лето 7 копен.“ (Доп. статьи. Тихом., стр. 122).

Таким образом, в Русской правде (если учесть и дополнительные статьи) определяются следующие соотношения названий зерновых культур: общим названием является *хлѣбъ* и *жито*. Но *хлѣбъ* означает и „печеный хлеб“, а жито синонимично слову *рожь*. Названиями только отдельных культур является, кроме *рожь*, — *ячмень*, *овес*, *полба*.

¹⁴ Т. е. человек, получивший от господина дачу, хлеб и придаток, еще не раб, — его нельзя закабалить.

¹⁵ „Время составления этих статей относится к XIII—XIV векам“. (М. Н. Тихомиров, указ. соч., стр. 123.)

Все сказанное о соотношении названий зерновых культур в статуте 1588 года сравнительно с другими памятниками письменности можно свести к следующим таблицам:

Таблица 1

Памятники	Общ. назв. зерновых.	Назв. озимой ржи	Назв. яровых (общ.)	Названия отд. культур
Статут 1588 г.	збоже	жито	ярыны	пшеница, ярица, ячмень, оркши, овес, гречиха, просо
Статут 1529,	збоже, жито	жито	ярыны	пшеница, ячмень, ярица, овес, гречиха
Литовск. метрика, запись XV в.	хлеб, жито	жито, рожь	ярь	пшеница, овес
Русская Правда	хлеб, жито	жито, рожь	—	ячмень, овес, полба

Таблица 2

Памятники	Назв. зерновых культур														
		хлеб	збоже	жито	ярина	ярь	пшеница	ярица	рожь	ячмень	просо	гречиха	оркши	полба	овес
Литовский статут 1588 г.		-	+	+	+	-	+	+	-	+	+	+	+	-	+
Литовский статут 1529 г.		-	+	+	+	-	+	+	-	+	-	+	-	-	+
Литовская метрика, запись XV в.		+	-	+	-	+	+	-	+	-	-	-	-	-	+
Русская Правда		+	-	+	-	-	-	-	-	+	-	-	-	+	+

Таблица 1 показывает изменение в соотношении названий зерновых культур от Русской правды до интересующего нас Литовского статута 1588 года.

Изменения эти идут в двух направлениях: по линии изменения слов (появление слова или его исчезновение) и по линии изменения значения сохранившихся слов (как например, *жито*). И то и другое приводит к одному результату — изменению соотношений между словами данной лексико-семантической группы в нашем памятнике по сравнению с другими, более ранними. И это имеет место даже в том случае, когда разница во времени невелика.

Таблица 2 регистрирует наличие или отсутствие тех или иных названий в указанных памятниках. (Знак плюс |+| означает наличие данного слова в памятнике; знак минус |-| — его отсутствие).

Vilniaus Valstybinis V. Kapsuko v.
universitetas
Rusų kalbos katedra

Įteikta
1966 m. rugsėjo mėn.

Сокращения

- III Статут — Статут Великого Княжества Литовского 1588 г., Вильно, изд. Мамоничей.
- I Статут — Статут Великого Княжества Литовского 1529 г., Минск, 1960.
- A3P — Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археологической Комиссией, т. I, 1846 г. В работе использован документ № 9 — Жалованная грамота Литовского великого князя Витовта литовским евреям, 1 июля 1388 года.

- ММ 27 к. 4 — Русская историческая библиотека, т. 27. Литовская метрика, отдел I, ч. I, т. I, СПб., 1910. В работе использован материал из книги четвертой записей — записи конца XV века. Цифра, стоящая за указанными в сокращении цифрами, обозначает номер документа в книге.
- Русская правда — М. Н. Тихомиров, Пособие для изучения Русской правды, изд. МГУ, 1953. Цифра с левой стороны цитаты обозначает номер статьи в Русской правде.

DĖL RAŠTIJOS PAMINKLŲ LEKSIKOS TYRINĖJIMO METODIKOS

M. ZAKARJAN

Reziუმė

Straipsnyje siūloma tyrinėti didelio savo apimtimi raštijos paminklo leksiką kaip sistemą.

Taip tyrinėjant, galima remtis šiomis prielaidomis:

1. Kalbos leksika kiekvienu momentu yra tarpusavyje susijusių vienetų-žodžių sistema. Leksikos vienetų ryšys ir sąlygojimas gali būti silpnesni, negu kitose kalbos srityse — fonologijoje, gramatikoje, bet pakankamai apčiuopiami ir tyrinėjami.

2. Paminklas, esant pakankamai apimčiai, kažkuriuo laipsniu atspindi (kiek apskritai gali parodyti tekstas) tam tikro laiko kalbos leksinę sistemą, tiksliau — kažkurį tos sistemos „gabalą“.

Raštijos paminklo leksiką tyrinėti galima sinchroniškai bei diachroniškai.